

Андрей СОБОЛЬ

Мемуары веснушчатого человека

Многоуважаемый гражданин, товарищ Порохлетов, Корней Аристархович, если не ошибаюсь, если только известный вам, а также, к горю моему, мне, прозаический писатель Пётр Письменный не изволил пошутить надо мной и во время Сно правильно, без фокусов, указал ваше имя и отчество.

Ибо названный писатель временами, подвыпив и в то же время пронзительно поглядывая на человеческий материал, нужный ему для романа в трилогию и в пяти частях о коммунистической революции и пертурбации в умах и душах как пролетарско-крестьянского народонаселения, так и буржуазного, не то входит в забвение по части имён своих знакомых, не то ради шутки нарочито имена одних пристёгивает, так сказать, не с той стороны, не к тому дышлу, а фамилии других снабжает преступно несоответствующими званиями.

Надвигалась прекрасная дождливая ночь, когда на Тверской, возле роскошного магазина бывшего Елисеева, я в двенадцатом часу на пустой до отказа желудок разглядывал головокружительные витрины, со скорбью вспоминал о том, как многие враги существующего режима лгут по границам в своих газетах, указуя бессовестно, что нынешний порядок не одобряет паюсную икру или сёмгу и заставляет всех граждан есть воблу или ячкашу, и с великой радостью собственными глазами констатировал, как процветают и пышным красным бутонем распускаются наша торговля, промышленность и ремёсла.

Как вдруг останавливается извозчичья кляча и вышеуказанный писатель, Пётр Письменный, с которым я имел честь недавно до того познакомиться шапочно и кратковременно, окликнул меня и, слезая с дрожek, предложил мне отбыть вместе с ним в гости к члену коллегии Народного Комиссариата по Военно-Сухопутным и Морским Делах, Сергею Яковлевичу Хлебникову, куда он и спешил, остановившись перед бывшим Елисеевым для пополнения, и меня, маленького человека, по доброте своей решил прихватить на скромный ужин к названному своему на короткой и тесной дружеской ноге приятелю.

При всей своей лояльности и даже гораздо больше, я принуждён был вздрогнуть, и при всём своём тихом поведении я не мог удержаться от вскрика, подобного женскому лёгкому визгу:

-- Как? К такому большому человеку?! Да мне, да с моим украшением?!

Но разве писатели внимают голосу благоразумия, когда их посещает жгучее вдохновение и жизнь им не в жизнь без ночной беседы для производительности труда в постановке человеческой комедии на страницах своего собрания сочинений? И я, тоже отмеченный перстом писательского рока, о чём речь будет в нижних строках моего рукописного созидания, сопротивляться не в силах был, тем паче, что вышеуказанный писатель хоть ростом и невысок и на вид туберкулёзен и малахоль, но в мышцах своих настойчив и упрям.

Сели мы, а меж нами, посередке, три свёрточка, в содержимом которых я участия принимать не мог, в виду перманентного отсутствия дензнаков и ничем не прикрытой бедности, но за качество продуктивности которых старший товарищ приказчик давал своё пролетарское ручательство. Поехали по мокрому асфальту очень быстро, вроде как бы на дутиках, да прямо на Кремль по прямой линии без уклонений.

Я смежил очи, дабы не потерять присутствия духа, когда железными цепями загремит подъёмный мост, за которым,-- даже жутко вымолвить,-- И с т о р и я, и слышу я как бы сквозь сон да туман речь моего покровителя и спутника по знаменательному пути:

-- Серёжка (извиняюсь, что я осмеливаюсь на такую фамильярность, но сиим выразительным прозвищем подразумевался не кто иной, как член коллегии, и только желание высказать вам всю свою горечь по поводу утери моей веры в личность Петра Письменного заставляет меня таким непочтительным именем временно облечь крупнейшего деятеля многоуважаемого Комиссариата по Военно-Сухопутным, Морским и Флотским Делах)... Серёжка -- парняга невредный. Весёлый шельма. Мы у него посидим, закусим, а потом все вместе закатимся к...

И такое тут имя прозвучало, и такое имя было всеми буквами названо, до последней, как оно